

Cossacks in the Conditions of Frontier Modernization (on the example of the Far East in the late 19th – early 20th centuries)

Anton V. Bredikhin

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences;
 Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. Email: bredikhin90[at]yandex.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Received: 28 May 2024 | Revised: 9 July 2024 | Accepted: 18 July 2024

Abstract

Historically, the contacts between the Cossacks and the Chinese population were established and their particular strengthening occurred during the construction of the Chinese–Eastern Railway between 1897 and 1903. The imperial authorities devised a plan to establish the Sungurian Cossack army, which was to be augmented by the Cossacks dispatched to protect the ‘KVZhD’. These troops were to comprise the descendants of Albazin and the local population. In the context of the present circumstances, the Cossacks in the peripheral Ussuri Territory and Manchuria served as the frontiers of the system of relations with the local Chinese and Korean populations, as well as the modernizing transformation of the region. As the most mobile and passionate segment of the population, the Cossacks played a pivotal role in the socio-economic and cultural transformation of the region. Their extensive involvement in the agrarian economy and their diverse socio-class and ethno-confessional composition contributed to the diversification of the regional mosaic. During this historical period, the Cossacks served as the driving force of the Russian exploration of the Far Eastern space. Moreover, they facilitated the militarization of the newly developed territories. The format of the study permits presenting a set of relations risen along the Center–Far Eastern Cossacks axis. The objectives of this paper is to ascertain the nature of this relationship within the system and to study the dissemination of the experience of the Cossack self-government system to neighboring regions, including the process of Japanese colonization of the island of Hokkaido. The research findings indicate the efficacy of applying the Cossack administrative and economic management experience to the Far East and Manchuria, as well as in adjacent regions, such as Hokkaido. The article is intended for Cossack specialists and sinologists.

Keywords

Far East; Cossacks; China; Manchuria; Modernization; Self-Government; Ussuriysky Krai; Frontier; Hokkaido; Japan

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Казачество в условиях фронтирной модернизации (на примере Дальнего Востока конца XIX – начала XX в.)

Бредихин Антон Викторович

Институт Китая и современной Азии РАН; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия. Email: [bredikhin90\[at\]yandex.ru](mailto:bredikhin90[at]yandex.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Рукопись получена: 28 мая 2024 | Пересмотрена: 9 июля 2024 | Принята: 18 июля 2024

Аннотация

Контакты между казачеством и населением Китая формировались исторически; особое их усиление произошло при строительстве Китайско-Восточной железной дороги в 1897–1903 гг. Имперскими властями планировалось создание Сунгурийского казачьего войска, в состав которого вместе с прибывшими на охрану КВЖД казаками должны были войти потомки албазинцев и местное население. В сложившихся условиях казаки на территории периферийного Уссурийского края и Маньчжурии выступили фронтирменами системы взаимоотношений с местным китайским и корейским населением, а также модернизационной трансформации региона. Выступая наиболее подвижной и пассионарной частью населения, применяя экстенсивный характер аграрной экономики, обогащая социально-сословную и этноконфессиональную мозаику региона, казачество в указанный исторический период выступило локомотивом русского освоения дальневосточного пространства. Казаки несли в себе и милитаризационный аспект освоения новых территорий. Формат исследования позволяет представить систему взаимоотношений по оси Центр – Дальневосточное казачество. Целью работы выступает определение системы взаимоотношений и ретранслирования опыта организации казачьего самоуправления на соседние регионы, в том числе процесс колонизации японцами острова Хоккайдо. В результате автор приходит к выводу об успешности применения опыта казачьего административно-хозяйственного управления как на территории Дальнего Востока и Маньчжурии, так и смежных регионов, в частности Хоккайдо. Статья рассчитана на специалистов-казаковедов и китаистов.

Ключевые слова

Дальний Восток; казаки; Китай; Маньчжурия; модернизация; самоуправление; Уссурийский край; фронтир; Хоккайдо; Япония

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Процесс освоения Дальнего Востока, соприкосновения российской колонизации с Китаем напрямую связан с пассионарным фактором казачества. Имперские власти проявили интерес к миграции представителей самых различных казачьих войск, в том числе Донского, Кубанского, Терского, Уральского, Забайкальского и Оренбургского в период с 1895 по 1901 г., что было обусловлено высокими морально-ценностными установками, военным опытом, фактором самоуправления казаков (Бахарева, 2023, с. 211). Их размещали в наиболее стратегически важных местах границы, казаки осуществляли надзор за строительством укреплений и содействовали превращению этих территорий в центры российского присутствия и влияния (Semi-militarized Cossacks... 2023).

Имел место и процесс привлечения к освоению дальневосточных рубежей китайских мигрантов, когда генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков, ранее являвшийся наказным атаманом Забайкальского казачьего войска, в 1862 г. обращался в российское дипломатическое представительство в Китае по вопросу поселения в Южно-Уссурийском крае китайцев без жен и без права жениться (без «средств к жизни семейной»), ради упрочения и усиления «этого трудолюбивого и развитого класса населения» (РГИА, 1862, л. 37).

Согласно нашему подходу, казаки являются фронтирменами – жителями межцивилизационного, межкультурного, межконфессионального пространства. Исследователи уделяют внимание различным фронтирным зонам земного шара, однако же наличие подобного региона и соответствующих контактов в зоне дальневосточно-китайской среды во многом игнорируется. Процесс взаимопроникновения двух этнокультурных систем нивелируют, ограничиваясь военной или экономической сферами. Так проблематика модернизации дальневосточного фронта рассматривается на примере российско-китайских торговых коммуникаций И. Р. Хамзиным, Р. Т. Ганиевым, А. В. Кочневым (Хамзин, 2023, с. 135).

Такие исследователи, как В. А. Брехуненко, проводят параллели с казачьими сообществами Степного Кордона, называя казаков «детьми» степного фронта, изменившими баланс сил в регионе (Брехуненко, 2011, с. 70). Бесспорный лидер отечественной теории фронта Д. В. Сень доказательно квалифицирует казаков как сообщество со специфической идентичностью, сложившейся под воздействием фронтирных реалий (Сень, 2011, с. 46). Говоря о казачестве сегодняшнего дня, им противоречит английский историк Ф. Лонгворт, приходящий в работе «Казаки. Пять столетий бурной жизни в русских степях» к выводу о том, что в ходе процессов индустриализации и модернизации, а также репрессивной политики в отношении казачества

в современности идентичность казаков уничтожена, «от них остались только легенды» (Longworth, 1970, с. 313).

Модернизация воспринимается как теория развития, основанная на инновациях, на новых моделях, предлагающих качественно иной переход от существующего, в первую очередь имеющих аграрный характер. В условиях крестьянской России казачество характеризовалось качественно иной моделью организации сообщества, приобретающей актуализацию при освоении новых земель, а также выступающей драйвером изменений в масштабе всей страны. Инновационность, свойственная казачеству как регулярно обновляющемуся сообществу, вступила в противостояние со сложившимися крестьянскими аграрными формами освоения пространства (Treivish, 2023).

Фронтирную теорию модернизации предлагает И. В. Побережников. С его точки зрения, в имперский период российской истории, период «великих реформ» середины XIX – начала XX в., проводится индустриализация, осуществляется переход от широкого использования принудительного труда и института крепостного права к рыночной экономике и применению вольнонаемного труда, к форме национального государства, происходит интенсификация процессов формирования гражданского общества в пореформенный период и особенно в начале XX в. (Побережников, 2021, с. 89).

Российская государственная политика в регионе затрагивала и столь важное направление, как безопасность. Как отмечает И. В. Побережников:

«Милитаризация регионов освоения (размещение фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований, установление особых, военизированных, форм администрации и т.д.) обеспечивала условия для стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства»» (Побережников, 2018, с. 75).

В рамках данного исследования автором ставится цель анализа положения казачества в условиях освоения Российской империей дальневосточного региона и его роли в российско-китайских взаимоотношениях.

В исследовании предполагается рассмотреть следующие задачи:

- дать оценку исторической роли процесса модернизации в дальневосточном регионе Российской империи;
- проанализировать основные характеристики роли казаков во фронтирной модернизации на Дальнем Востоке;
- выявить существующий опыт ретранслирования казачьего опыта модернизации в других регионах.

В статье используется широкий спектр научно-аналитических исследований, в том числе ведущих ученых Института Китая и современной Азии Российской академии наук, иных институтов РАН.

Нами были использованы документы из фондов Российского государственного исторического архива, в основном делопроизводственные акты и метрические книги, что позволило передать роль казачества в социокультурных и социально-экономических процессах того времени.

Автором осуществлен анализ иностранных источников, позволяющий узнать оценку процессов модернизации на Дальнем Востоке и Манчжурии, исходя из позиции соседних стран.

В рамках исследования используется институциональная методология и метод историзма, позволяющие определить роль казачества в российско-китайском фронтальном пространстве.

Казачество-фронтирмены

Казачество в настоящее время рассматривается, исходя из различных исторических теорий и социологических подходов. До сих пор в научной среде России, как и других стран, нет единого восприятия данного феномена; отсутствует общепризнанная позиция по отношению к современным казакам.

Классическими «пограничниками» того времени выступали казаки, которых царское правительство не только направляло для освоения и защиты новых земель, но и создавало из них новые войска как формы не только военного, но и административно-хозяйственного самоуправления.

По мнению П. А. Барахвостова, «центральными фигурами колонизации на Востоке стали казак, крестьянин и ссыльный» (Барахвостов, 2022, с. 170). Казаки укомплектовывали форты, патрулировали города, участвовали в местных кампаниях против коренных народов, работали курьерами, сопровождающими и пограничниками, обрабатывали свои земли или сдавали их в аренду другим для ведения сельского хозяйства (Cossascks..., 2000).

«Казаки и крестьяне-поселенцы снабжали старателей, часто присоединяясь к ним в поисках золота как на китайском, так и на российском берегах Амура» (Gamsa, 2003, с. 236), указывает Марк Гамса. Казаки выступали тем связующим звеном, которое объединяло прибывших колонистов из различных регионов Российской империи и в то же время было способно сформировать систему межкультурных коммуникаций с местным населением.

Строительство Манчжурской (впоследствии Китайско-Восточной) железной дороги, как и освоение «Желтороссии» (Гаспарян, 2018, с. 117) в целом, требовало дополнительных человеческих ресурсов. Сунгурийское казачье войско выступило модернизационным проектом российских властей по формированию системы безопасности на территории Манчжурии, охраны государственных инфраструктурных и транспортных объектов. Его формирование предусматривалось как из числа прибывших для охраны российских гражданских и военных объектов казаков, так и местного населения, а также потомков казаков-албазинцев (Бредихин, 2023, с. 23). Практика «оказачивания»,

то есть включения в казачье сословие тех или иных народов, имела на территории империи повсеместный характер и в большинстве случаев не находила препятствий со стороны «оказываемого» населения в связи с тем, что расширялись права и льготы «новых казаков», выделялись земельные наделы, новобранцы обеспечивались службой и жалованием.

В созданном в 1858 г. Амурском казачьем войске преобладал пестрый состав новых казачьих поселений, включавших в себя не только казаков-забайкальцев и выходцев из иных войск, но и вчерашних крепостных, бурят, эвенков. В этом заключался очень важный административный фактор. Само их основание проводилось вдоль почтовых линий, в связи с чем в первые десятилетия казакам было трудно наладить функционирующую экономику, несмотря на чрезвычайно щедрые земельные наделы (Glebov, 2021). Изначальный подход не предусматривал широкой хозяйственной деятельности новых поселенцев, однако и он претерпел трансформацию.

В последней трети XIX в. произошла некоторая демократизация жизни казачества, срок службы был сокращен до 20 лет, разрешен выход из казачьего сословия, зачисление в него представителей других сословий. Самоуправление в станицах стало носить внесословный характер, в нем могли участвовать все жители региона; на землях казаков разрешалось селиться и приобретать недвижимость неказаческому сословию. Были урегулированы нормы землепользования казаков (не менее 20 десятин земли на душу населения). В то же время сохранялись запреты на выход казачества из общины, принцип круговой поруки и фиксированные нормы казачьего самоуправления и обязанностей всех лиц, облеченных должностными полномочиями (Герман, 2011, с. 116).

Выделение казачьей системы самоуправления в общеимперском масштабе обуславливалось как этническими особенностями взаимодействия казаков и народов российского приграничья, так и их сословными привилегиями, полагаемыми за воинскую службу (аналогично, поместное дворянство формировалось как служилое сословие, получавшее земельные наделы за службу). О. В. Щупленков подчеркивает присутствие конфликта двух позиций, определяющих факт наличия системы самоуправления – это социокультурный и этнический аспекты. Последний, в свою очередь, придавал казакам статус «самостоятельной территориальной этнической группы» (Щупленков, 2016, с. 45).

Казачья и «желтая опасность»

Нельзя исключить из модернизационных процессов дальневосточной среды китайскую рабочую силу, наиболее востребованную в тот период на золотодобыче, строительстве железных дорог, торговле, рыбной ловле, выращивании опиума, контрабанде российского золота и китайского алкоголя.

К концу XIX в. китайские мигранты, получившие название «манзы» (бродяги) в соответствии с образом занятий, распределились на следующие категории: 1) «зазейские маньчжуры»; 2) торговцы; 3) кустари и ремесленники; 4) рабочие (приисковые рабочие, в том числе); 5) земледельцы; 6) промысловики, контрабандисты, хунхузы (Залесская, 2020, с. 16). Ряд исследователей отмечают криминогенный характер прибывающих мигрантов, что способствовало негативизации их восприятия среди русского населения.

Данная миграция актуализировала в исследовательской среде того времени такую проблематику как «желтая опасность» или «желтый вопрос», подразумевающий вытеснение российской рабочей силы иностранными специалистами, в первую очередь китайцами и корейцами и дискуссию о целесообразности сохранения трудовой миграции (Ланцова, 2010, с. 62). Важным фактором выступала поддержка цинским правительством активного расселения китайцев по городам Приморья, что препятствовало продвижению русской колонизации региона. Сложившаяся ситуация получила название «встречной колонизации», по мнению Л. М. Болховитинова:

«...проведением КВЖД мы возродили Маньчжурию к новой жизни. До 1903 г. китайская колонизация Маньчжурии, развиваясь постепенно, шла естественным путём, обуславливаясь большой земельной нуждой в пределах собственного Китая, но с этого времени вопрос получил совершенно другую разработку; переселение в значительной степени потеряло своё естественное направление, приняв форму движения, регулируемого китайскими властями, по известной программе с политической окраской» (Пасмурцев, 2011, с. 115).

Накладывалась тяжелая ситуация во всем восточноазиатском регионе, выраженная в попытке коллективного Запада подавить Боксерское восстание (1899–1901 гг.), повлекшее массовое убийство тысяч китайцев в Благовещенске (1900 г.), и японскую экспансию после цинско-японской войны (1894–1895 гг.) (Sablin, 2018, с. 340). В этой связи не только в Российской империи, но и в странах Европы вопрос «желтой опасности» приобретал цивилизационный характер (Белоконь, 2016, с. 160), а Транссибирская магистраль, как и русское освоение Дальнего Востока, виделось каналом европеизации региона в целом.

Согласно статистике, в 1880-х гг. в Амурской области насчитывалось от 17 000 до 18 000 китайцев и 10 100 корейцев (Динамика..., 2021). Общее количество пересекавших границу китайцев составило в период с 1906 по 1910 г. 550 тысяч человек, из них лишь небольшое количество осталось на российской стороне, приняв православие либо женившись на русских женщинах. Селились они в наилучших местах, о чем пишет П. А. Кропоткин: «недаром китайцы, которые заняли все удобные места на Сунгари и Амуре, почти оставляли в стороне Уссури и поселились только в числе нескольких «фанз» (домов) и то только в верхних станицах» (Кропоткин, 1992, с. 100). По различным оценкам,

в конце XIX в. Уссурийское казачье войско сдавало иностранным работникам до половины своей земли.

Именно казаки выступали за сохранение иностранной рабочей силы в регионе, что было обусловлено их военно-служилым образом жизни, а также необходимостью освоения новых сельскохозяйственных площадей. При этом казачьи земли не могли перейти во владение иностранцев, данный факт был обусловлен тем, что земля принадлежала войску, а казак имел свой пай. «Никакая часть земли и никакие угодья, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо личную собственность», – гласила статья 7 Правил от 21 апреля 1869 г. (РГИА, 1910–1912, л. 13). Условия обработки земли и хранения урожая у казаков также не были ориентированы на местные климатические условия, на что указывает П.А. Кропоткин:

«Хлеб складывают в скирд на самом поле, причем возят его с поля в одно место на санях летом. Затем тут же его молотят зимой и привозят домой в зерне, молотят большею частью по мере надобности, и, следовательно, бурундуки и всякие полевые мыши успевают-таки вдоволь поесть хлеба, и, не загородив его, кормят им скот чуть не всей станицы. Все это особенно резко бросается в глаза от контраста с китайцами, у которых тут же, в версте или двух, вы видите замечательную обработку полей» (Кропоткин, 1992, с. 103).

В 1913 г. состоялся ряд кругов (сходов) по данному вопросу. «На участке остается только пожилой глава семьи... помимо потери работников из-за службы, каждая семья вынуждена тратить более 400 рублей на экипировку казака для службы». В сложившихся условиях казаки «не могли справиться, не нанимая иностранных рабочих» (РГИА, 1893–1922, л. 55). Привлекались не только китайские, но и корейские мигранты, обладавшие адекватными сельскохозяйственными технологиями («грядковым методом»), орудиями и трудолюбием (Киреев, 2008, с. 80). Часть сельскохозяйственных традиций были переняты казаками у китайцев, это выращивание сои, бахчевых культур, кукурузы, а также используемой для еды и скота чумизы.

Высоко оценивая роль китайских переселенцев Цзяи Чжоу приходит к достаточно неутешительному выводу о том, что:

«Сельское хозяйство Китая сыграло важную роль в обеспечении населения Дальнего Востока сельскохозяйственной продукцией. В Южно-Уссурийском крае один китайский крестьянин кормил 25–26 жителей России. Овощи продавались в овощных лавках, на улицах и доставлялись в дома, в том числе в кредит... Помимо собственной земли, китайцы арендовали ее у русских казаков и крестьян. В связи с этим изменились отношения между русским как землевладельцем и китайцем как арендатором или наемным работником. Фактическим владельцем земли стал китаец, а русский владел ею лишь номинально» (Jiaui Zhou, 2015, с. 13).

Имели место прецеденты «оказачивания» корейцев. Подобный подход реализовался имперским правительством в различных регионах страны,

пополняя казачье сословие, что было необходимо для обеспечения военной составляющей осваиваемой территории и в то же время выделения местному населению дополнительных льгот в рамках их интеграции в общенациональное имперское пространство, что осуществлялось ради повышения его лояльности к официальному Санкт-Петербургу.

«Оказачивание» могло нести и далеко идущие геополитические последствия, а именно, дальнейшее присоединение Кореи к Российской империи: «Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы» (Дневник..., 1922, с. 15), – отмечал военный министр А. Н. Куропаткин в 1903 г. Данным планам был положен конец после Русско-японской войны 1904-1905 гг., а процесс «оказачивания» населения и создания «казацкой державы» был реализован гораздо позднее после Гражданской войны в России и ухода белоэмигрантов на территорию Монголии (Бредихин, 2024, с. 157). А процесс разумного «оказачивания» России не произошел, страна попала в «пропасть антинациональной, антирусской по своей глубинной сущности революции» (Лысенко, 2012, с. 113).

Казачество по-японски

Опять казачьей дальневосточной модернизации был воспринят в соседней Японии и ретранслирован при заселении острова Хоккайдо, о чем указывает в своих исследованиях О. И. Сергеев. В частности, начальник Колонизационного управления по делам Хоккайдо Курода Киётаки, видный политический деятель Эномото Такэаки, генерал Нагаяма Такосиро прибывали с исследовательскими миссиями в российский регион, приглашались специалисты из Российской империи с целью возведения жилищ в «казачьем духе», а одно из поселений солдат-земледельцев (тондэнхэй) было полностью создано в соответствии с проектом казачьей станицы (Сергеев, 1996, с. 60).

Со своей стороны отметим факт того, что поселения тондэхай и казаков Уссурийского казачьего войска носят много общих черт. Как вокруг поселений японских колонистов возникали крестьянские хозяйства, так и на казачьих землях возникали хозяйства крестьян, китайских и корейских мигрантов. «Россия является фактическим врагом истеблишмента Тонденхэя, а с другой стороны, система Тонденхэя – это система, которая похожа на систему многих казачьих солдат и имеет глубокую связь» ([札幌市, 2020), – указано на официальном сайте города Саппоро. Военизированный тип поселений на острове возник благодаря пересадке казачьего или прусского типа, – указывает Августин Берк (Berque. 1979, p. 54).

Организационная структура жизни дальневосточного казачества на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, способы снабжения и обеспечения были

перенесены на японскую землю. Нагаямо Такосиро использовал и те наблюдения, которые получил во время путешествия в 1887 г. по территории Области войска Донского, а также в рамках встреч с представителями забайкальского, уссурийского и амурского казачеств. По мнению Като Сюдзиро, при освоении Хоккайдо были использованы следующие характеристики организации казачьих поселений:

- «1) сроки прохождения военной службы;
- 2) виды войск (кавалерия, пехота, артиллерия);
- 3) институты самоуправления;
- 4) общественное владение частью земель (общинные земли)» (Сергеев, 2016, с. 137).

Таким образом, японские военачальники активно применили полученные от казаков знания при военном освоении северного острова Хоккайдо. В японской политической и общественной среде начал формироваться образ казачества как достаточно близкой социокультурной группы, со схожими военными традициями и миропониманием. Межкультурные связи, переходящие в межличностные контакты, отмечаются и в архивных документах. Так, по данным Метрической книги Якутской духовной консистории Нельканской Благовещенской церкви Аяно-Майского района Нижне-Амурской области за 1910 г. казак Якутского казачьего полка Василий Иванович Прокопьев стал восприемником японского подданного корейского происхождения Чень-эду-ни, языческого вероисповедания, 61 года, изъявившего решительное желание присоединиться к Православной Кафолической Восточной церкви с наречением имени Сергей в память преподобного Сергия Радонежского (ГАХК, 1910, л. 236).

События Русско-японской войны 1904–1905 гг. способствовали негативизации образа противника и высмеивания образа японцев в лубках: «Плохо желтому на море, а на суше вдвое горе: тут казак макаку эту рубит шашкой, как котлету, чтоб известно было свету, что проехал где казак – нет уж духа от макак!» (Воробьева, 2018, с. 170). Появляются образы гейш, интересующихся, «а умеют ли казаки целоваться?»

Японские власти прекрасно понимали военную подготовку белоэмигрантов, оказавшихся за пределами России после окончания Гражданской войны. Тогда создаются «Русский отряд Асано», а также Сунгарийский, Ханьдаохэцзыский, Харбинский и другие «русские воинские отряды», принимавшие участие в боях с СССР на стороне Квантунской армии Маньчжоу-Го (Яковкин, 2014, с. 122).

Выводы

На основании изложенного переходим к выводам. Во-первых, имперские власти были заинтересованы в ускоренном процессе освоения как дальневосточных земель, так и прилегающих территорий Манчжурии, в связи с чем подбирался наиболее оптимальный вариант самоорганизации колониального сообщества, которым и стало казачество.

Во-вторых, казаки, будучи фронтирменами, выступали не только в качестве охранной силы на вверенных им территориях. В качестве образца бралась административно-хозяйственная система казачьего самоуправления, обеспечивающая в том числе эффективную коммуникацию с местным населением, не ограничивающаяся исключительно торгово-экономическими связями, но и переходящая к «оказачиванию» корейских и китайских рабочих.

В-третьих, опыт казачьего самоуправления и организации территориального хозяйствования на Дальнем Востоке был принят ближайшими соседями-японцами в целях освоения земель острова Хоккайдо. Не исключено, что он мог оказать влияние и на подготовку японской армии в период Русско-японской войны 1904-1905 гг.

Благодарности

Выражаю благодарность доктору исторических наук Шайдурову Владимиру Николаевичу за представленную возможность публикации и научное консультирование.

Список литературы

- Berque, A. (1979). *La Rizière et la Banquise: Colonisation et changement culturel à Hokkaïdô*. FeniXX.
- Cossacks, Cowboys, and Cavalry-Frontier Social Groups. (2000). Library of Congress, Washington, D.C. 20540 USA. <https://www.loc.gov/collections/meeting-of-frontiers/articles-and-essays/colonization/cossacks-cowboys-and-cavalry-frontier-social-groups/>
- Gamsa, M. (2003). California on the Amur, or the “Zheltuga Republic” in Manchuria (1883-86). *Slavonic and East European Review*, 81(2). <https://doi.org/10.1353/see.2003.0140>
- Glebov, S. (2021). Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s-1917. *Nationalities Papers*, 49(6), 1065-1081. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.63>
- Longworth, P. (1970). *The cossacks. Five Centuries of Turbulent Life on the Russian Steppes*. Holt, Rinehart and Winston.
- Population development in the Far East during the Tsarist and Soviet periods. (2021). In *Russian Far East: Population, socio-economic development* (pp. 15-42). Literary press in the social sciences. <https://xianxiao.ssap.com.cn/catalog/5647979.html> (In Chinese).

- Sablin, I., & Sukhan, D. (2018). Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926. *Slavic Review*, 77(2), 333–357. <https://doi.org/10.1017/slr.2018.126>
- Semi-militarized Cossacks & Russia's Far Eastern Policy: A Look into Manchuria's Complex Past. (2023). *TimePrinter*. <https://www.timeprinternews.com/2023/11/semi-militarized-cossacks-russias-far.html>
- Tonden soldiers were surrounded by Cossack cavalry. (2020). Hokkaido Development Club. https://www.hokkaidokaitaku.club/story/ShortShort/2020/nichirosensou_sinkotonitonedeh.html (In Japanese)
- Treivish, A. I. (2023). Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space. *Regional Research of Russia*, 13(1), 6–33. <https://doi.org/10.1134/S2079970522700563>
- Zhou, J. (2015). Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East. *Land Grabbing, Conflict and Agrarian-environmental Transformations: Perspectives from East and Southeast Asia. An International Academic Conference 5-6 June 2015, Chiang Mai University*, 1–30. https://www.iss.nl/sites/corporate/files/CMCP_34-Zhou.pdf
- Дневник А.Н. Куропаткина. Предисловие М. Покровского. (1922). *Красный Архив*, 2, 5–47.
- Барахвостов, П. А. (2022). Формирование и эволюция русских фронтиров. *Россия и мир: научный диалог*, 2, 166–177. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177)
- Бахарева, О. Я. (2023). Участие оренбургских казаков в освоении Дальнего Востока. Письма из Уссурийского края. *История повседневности*, 1(3), 210–228. https://doi.org/10.35231/25422375_2023_3_210
- Белоконь, И. В. (2016). «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина. *Правовое поле современной экономики*, 8, 155–164.
- Бредихин, А. В. (2023). Казачество как фактор межкультурного сотрудничества России и Китая. *Вестник славянских культур*, 70, 18–25. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-18-25>
- Бредихин, А. В. (2024). Миграция россиян в Монголию: Исторический и социологический аспект. *Народонаселение*, 27(1), 153–165. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-153-165>
- Брехуненко, В. (2011). *Козаки на степовому кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI-першої половини XVII ст.* [Козаки на степной границе Европы: типология казацких сообществ XVI-первой половины XVII вв.]. Институт української археографії та джерелознавства ім. МС Грушевського [Институт украинской археографии и источниковедения им. МС Грушевского]. (На украинском).
- Воробьева, Э. А. (2018). «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: Формирование и восприятие образа врага. *Идеи и идеалы*, 1(1), 164–182. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-164-182>
- Гаспарян, В. З. (2018). Проект «Желтороссия» в контексте мировоззренческого кризиса русского «Восточничества» на рубеже XIX–XX вв. *Архонт*, 3, 115–118.
- Герман, О. Б. (2003). Роль закона в правовой жизни российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. *Юристъ-Правоведъ*, 3, 79–82.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). (1910). Ф. И85. Оп. 44. Д. 347. Л. 236.

- Залеская, О. В. (2020). Фактор китайской миграции в формировании дальневосточного фронта как контактной зоны российско-китайского междивизионального взаимодействия. *Филология в XXI веке*, 1, 15–22.
- Киреев, А. А. (2008). Корейские иммигранты и казачество на российском Дальнем Востоке: Факторы и динамика взаимодействия (вторая половина XIX-первая треть XX в.). *Вестник ДВО РАН*, 5, 78–86.
- Кропоткин, П. А. (1992). *Дневники разных лет*. Советская Россия.
- Ланцова, Ю. Н. (2010). «Желтый вопрос» в России в середине XIX – начале XX вв. В отечественной историографии. *Гуманитарный вектор*, 3, 62–65.
- Лысенко, Н. Н. (2012). Нация или субэтнос? *Вопросы национализма*, 3, 111–134.
- Пасмурцев, В. А. (2011). Маньчжурские территории как фактор политики империи Цин (середина XVII – начало XX в.). *Россия и АТР*, 4, 108–117.
- Побережников, И. В. (2018). Фронтирная модернизация на Востоке Российской империи: Региональные вариации. *Уральский исторический вестник*, 61(4), 72–80. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-72-80](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80)
- Побережников, И. В. (2021). Модернизация в истории Российской империи и СССР: Общее и особенное. *Российские экономические реформы в региональном измерении*, 89–99.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1862). Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л. 37–38.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1893–1922). Ф. 702. *Полтавское станичное правление. Управление Уссурийского казачьего войска*. Оп. 1, Д. 128, 54–65.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1910–1912). Ф. 391. Оп. 4. Д. 533. Л. 13.
- Сень, Д. В. (2011). Из вольных казаков – в поданные крымских ханов: Казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII в. *Восток. АфроАзиатские сообщества: история и современность*, 5, 46–54.
- Сергеев, О. И. (1996). Использование казачьего опыта при освоении японцами острова Хоккайдо. *Казачество Дальнего Востока: проблемы современности и перспективы развития*, 60–62.
- Сергеев, О. И. (2016). Использование Японией опыта российского казачества при освоении новых территорий (о. Хоккайдо, оккупированные земли Северо-Восточного Китая). *Россия и АТР*, 4, 134–144.
- Хамзин, И. Р., Ганиев, Р. Т., & Кочнев, А. В. (2023). Конструируя фронт: Русско-китайская торговля как фактор модернизации Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. *Журнал фронтирных исследований*, 8(4), 133–152. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.491>
- Щупленков, О. В. (2016). Казачье самоуправление – Положительный опыт консенсуса центра и регионов. *Казачество*, 20, 40–50.
- Яковкин, Е. В. (2014). *Русские солдаты Квантунской армии*. Вече.

References

- Bakhareva, O. Ya. (2023). Participation of the Orenburg Cossacks in the Development of the Far East. Letters from the Ussuri Region. *История повседневности*, 1(3), 210–228. https://doi.org/10.35231/25422375_2023_3_210 (In Russian).
- Barakhvostov, P. A. (2022). Formation and evolution of russian frontiers. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, 2, 166–177. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177) (In Russian).
- Belokon, I. V. (2016). “Civilizational Breaks” and “Yellow Danger” in a Context of Geopolitical Sights and Ideas of A.N. Kurapatkin. *Legal Field of Modern Economy*, 8, 155–164. (In Russian).
- Berque, A. (1979). *La Rizière et la Banquise: Colonisation et changement culturel à Hokkaidô*. FeniXX.
- Bredikhin, A. V. (2023). Cossacks as a Factor of Intercultural Cooperation between Russia and China. *Vestnik slavianskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*, 70, 18–25. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-70-18-25> (In Russian).
- Bredikhin, A. V. (2024). Russian Migrants in Mongolia: Historical and Sociological Aspects. *Population*, 27(1), 153–165. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-153-165> (In Russian).
- Brekhunenko, V. (2011). *Cossacks on the Steppe Border of Europe: Typology of Cossack Communities of the XVI - First Half of the XVII Centuries*. Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies named after M.S. Hrushevsky. (In Ukrainian).
- Cossacks, Cowboys, and Cavalry-Frontier Social Groups*. (2000). Library of Congress, Washington, D.C. 20540 USA. <https://www.loc.gov/collections/meeting-of-frontiers/articles-and-essays/colonization/cossacks-cowboys-and-cavalry-frontier-social-groups/>
- Diary of A.N. Kurapatkin (1922). *Red Archive*, 2, 5–47. (In Russian).
- Gamsa, M. (2003). California on the Amur, or the “Zheltuga Republic” in Manchuria (1883–86). *Slavonic and East European Review*, 81(2). <https://doi.org/10.1353/see.2003.0140>
- Gasparyan, V. Z. (2018). The Project “Yellow Russia” in the Context of the Ideological Crisis of Russian “Orientalism” at the Turn of the 19th and 20th. *Archont*, 3, 115–118. (In Russian).
- German, O. B. (2003). The Role of Law in the Legal Life of the Russian Cossacks in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Jurist-Pravoved*, 3, 79–82. (In Russian).
- Glebov, S. (2021). Exceptional Subjects: Koreans, Settler Colonialism, and Imperial Subjecthood in the Russian Far East, 1860s–1917. *Nationalities Papers*, 49(6), 1065–1081. <https://doi.org/10.1017/nps.2020.63>
- Hamzin, I. R., Ganiev, R. T., & Kochnev, A. V. (2023). Constructing the Frontier: Russian-Chinese Trade as a Factor in the Modernization of the Far East at the Turn of the 19th and 20th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 8(4), 133–152. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.491>
- Kireev, A. A. (2008). Korean immigrants and the Cossacks in the Russian Far East: factors and dynamics of interaction (the second part of the XIX—the first third of the XX centuries). *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 5, 78–86. (In Russian).
- Kropotkin, P. A. (1992). *Diaries of Different Years*. Soviet Russia. (In Russian).
- Lantsova, Yu. N. (2010). «Yellow Question» in Russia in the Middle of the 19th –the Beginning of the 20th Centuries in Russian Historiography. *Humanitarian Vector*, 3, 62–65. (In Russian).

- Longworth, P. (1970). *The cossacks. Five Centuries of Turbulent Life on the Russian Steppes*. Holt, Rinehart and Winston.
- Lysenko, N. N. (2012). Nation or Subethnos? *Nationalism Issues*, 3, 111–134. (In Russian).
- Pasmurtsev, V. A. (2011). Manchurian Territories as a Factor in the Qing's Policy (Mid 127th Early 20th). *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4, 108–117. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2018). Frontier Modernization in the East of the Russian Empire: Regional Variations. *Ural Historical Bulletin*, 61(4), 72–80. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-72-80](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80) (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2021). Modernization in the History of the Russian Empire and the USSR: General and Special. *Russian Economic Reforms in Regional Dimension*, 89–99. (In Russian).
- Population development in the Far East during the Tsarist and Soviet periods. (2021). In *Russian Far East: Population, socio-economic development* (pp. 15–42). Literary press in the social sciences. <https://xianxiao.ssap.com.cn/catalog/5647979.html> (In Chinese).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1862). F. 394. In. 1. C. 47. L. 37–38. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1893–1922). F. 702. *Poltava Stanichnoye Administration. Ussuri Cossack Army Administration*. In. 1, C. 128, 54–65. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1910–1912). F. 391. In. 4. C. 533. L. 13. (In Russian).
- Sablin, I., & Sukhan, D. (2018). Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926. *Slavic Review*, 77(2), 333–357. <https://doi.org/10.1017/slr.2018.126>
- Semi-militarized Cossacks & Russia's Far Eastern Policy: A Look into Manchuria's Complex Past. (2023). *TimePrinter*. <https://www.timeprinternews.com/2023/11/semi-militarized-cossacks-russias-far.html>
- Sen, D. V. (2011). From Free Cossacks to Subjects of Crimean Khans: Cossack Communities of the Don and Caucasus in the Late 17th - Early 18th Century. *East. Afro-Asian Communities: History and Modernity*, 5, 46–54. (In Russian).
- Sergeev, O. I. (2016). Japan's Use of Russian Cossack Experience in Developing New Territories (Hokkaido, Occupied Lands of Northeast China). *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4, 134–144. (In Russian).
- Sergeev, O. I. (1996). Using Cossack Experience in the Development of Hokkaido by the Japanese. *Cossacks of the Far East: Problems of Modernity and Development Prospects*, 60–62. (In Russian).
- Shchuplenkov, O. V. (2016). Cossack Self-Government – A Positive Experience of Consensus between the Center and the Regions. *Cossacks*, 20, 40–50. (In Russian).
- State Archive of Khabarovsk Territory (SAKHT). (1910). F. 185. In. 44. C. 347. L. 236. (In Russian).
- Tonden soldiers were surrounded by Cossack cavalry*. (2020). Hokkaido Development Club. https://www.hokkaidokaitaku.club/story/ShortShort/2020/nichirosensou_sinkotonitonedn.html (In Japanese)
- Treivish, A. I. (2023). Historical Experience of the Modernization of Russian Society and Space. *Regional Research of Russia*, 13(1), 6–33. <https://doi.org/10.1134/S2079970522700563>
- Vorobyeva, E. A. (2018). “The beauteous country, Japan; the beauteous country, Russia”: the paradoxes of the formation and perception of the enemy “Pattern image”. *Ideas and Ideals*, 1(1), 164–182. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-164-182> (In Russian).

- Yakovkin, E. V. (2014). *Russian Soldiers of the Kwantung Army*. Veche. (In Russian).
- Zaleskaya, O. V. (2020). Factor of Chinese Migration in the Forming the Far Eastern Frontier as a Contact Area of the Russian–Chinese Inter–Civilization Interaction. *Philology in the XXI Century*, 1, 15–22. (In Russian).
- Zhou, J. (2015). Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East. *Land Grabbing, Conflict and Agrarian–environmental Transformations: Perspectives from East and Southeast Asia*. An International Academic Conference 5–6 June 2015, Chiang Mai University, 1–30.
https://www.iss.nl/sites/corporate/files/CMCP_34-Zhou.pdf